

РУССКИЙ МИР

Россия как полиэтническое государство: особенности и проблемы современного развития

А. В. КОСТИНА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье анализируются современные этносоциальные, этнокультурные процессы в России, в частности проблемы этнического сознания, «имперского сознания», ресентимента, национальной политики, межнациональных отношений и др., рассматриваются недопустимые крайности национальной политики.

Ключевые слова: народы, этничность, культура, этническое сознание, межнациональные отношения, национальная политика.

Russia as a Polyethnic State: Features and Problems of Contemporary Development

A. V. KOSTINA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article makes an analysis of contemporary ethnosocial, ethnocultural processes in Russia, inter alia the problems of ethnical consciousness, «empire consciousness», «ressentiment», national policy, international relations, etc. The author considers the inadmissible extremes of national policy. Keywords: nations, ethnicity, culture, ethnical consciousness, international relations, national policy.

Если взглянуть на проблему национально-этнического развития России, то можно с уверенностью констатировать, что активизация этнической культуры и ее конфликтные отношения с национальной культурой особенно обострились в связи с распадом Советского Союза и социалистического лагеря. Следствием этих событий стали интенсивная миграция и маргинализация, искус-

ственное разделение многих семей, родственники которых оказались гражданами других государств, а также соответствующие им явления социальной, политической и культурной напряженности. Они привели, с одной стороны, к взрыву этнонационалистических настроений, а с другой — к живому интересу к собственным этнокультурным истокам.

* Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS). Тел.: (495) 374-61-81. Эл. адрес: anna_kostina@inbox.ru

Если обратиться к тем принципам, на которых основывались этнонациональные отношения в Советском Союзе, то можно отметить, что в нем проживало 120 народов, существенно различавшихся по численности (русские, татары, мордва, чуваш, башкиры по численности превышали миллион человек, а 26 народов Севера насчитывали 181 тыс. человек), по степени суверенитета (30 этнических групп — 173 тыс. человек — цыгане, уйгуры, курды, ассирийцы — не имели, как, впрочем, и нигде мире, своей государственности), по количеству титульного населения, давшего имя республике (из 21 республики только в Чувашии, Северной Осетии, Чечне, Коми, Туве «коренное» население составляло более 50%, в среднем по республикам оно составляло около 32%, а в автономных округах — 10,5%) (Мнацаканян, 2001: 112).

Существенное изменение этой структуры в 1991 г. привело к активизации этнического фактора как основы различных конфликтов. В средствах массовой информации стали появляться мнения относительно «воинственности» характера отдельных народов, сложившейся исторически, о том, что конфликты между многими народами основываются на конфликте ценностей и являются чуть ли не врожденным чувством. Однако представляется, причины этнонациональных конфликтов лежат, безусловно, в экономической, а не в этнокультурной области. Подробные процессы в Ханты-Мансийском автономном округе проанализировал М. А. Никитин, выяснивший, что предприятиями, организациями и физическими лицами ХМАО в течение одного года привлекается иностранной рабочей силы (в основном из СНГ) около 20 000 человек. Из Украины приезжает около 11 000 человек, из Таджикистана — около 2500 человек, из Казахстана — более 700 человек, из Узбекистана — около 700 человек, из Азербайджана — около 600 человек, из Армении — около 400 человек, из Киргизии — более 300 человек. Однако наблюдатели считают, что с учетом «нелегалов» данные показатели можно увеличить в несколь-

ко раз. Среди представителей разных народностей существует достаточно острая экономическая конкуренция — отмечались прецеденты, «когда из организации увольняли 30 человек, вместо которых нанимались 40 таджиков» (Никитин, эл. ресурс). Данное обстоятельство становится причиной недовольства постоянного населения округа, где во многих городах и районах — в поселке Березово, в городе Сургуте — прошли стихийные митинги, в которых звучала мысль о том, что если администрация не решит проблему нелегалов, сбивающих цену на рынке труда, то за них ее решат сами люди.

Национальная политика в Советском Союзе, несмотря на многочисленные претензии, которые можно к ней предъявить, основывалась на конституционном признании равенства народностей, многие из которых получили гражданские права и автономию, включая конституцию, герб и гимн. Сейчас принято говорить о намеренной ассимиляции коренного населения, которая проводилась в советской России и выражалась в утрате народами традиций, забывании веками установленного уклада жизни, языка. Однако, во-первых, нельзя не учитывать того факта, что многие из этих народов не имели к моменту их включения в состав СССР собственной письменности, вели натуральное хозяйство и, по существу, находились на периферии мирового развития. И во-вторых, необходимо осознавать, что стремление к усилению государства неизбежно приводит к подчинению им специфических интересов различных, иногда многочисленных групп, причем не только этнических.

Путь построения государственности, который прошел СССР, затем в многообразных вариантах был повторен многими странами, встающими на путь самостоятельного развития. Почти во всех подобных странах государственное строительство было направлено на ограничение исторической автономии общинных групп и их ассимиляцию. Те же цели преследовались при создании новых государств в Восточной Европе после 1945 г. Аналогичные процессы характерны

и для стран Азии, Африки и Латинской Америки, создававших или укрепляющих свою государственность. Судьбы этих общинных групп различны: одни из них (китайская диаспора в Юго-Восточной Азии) добились доступа к власти, другие (многие из племен Африки) сумели сохранить местную автономию. Но общим следствием усиления государства, как отмечает Тэд Роберт Гарр (Gurr, 1993: 129–130), почти повсеместно был рост недовольства большинства этнических и общинных групп, которые оказались не в состоянии защитить свою автономию или эффективно участвовать в правящих коалициях. Этот принцип является общеприменительным — в границах любой общественной системы, стремящейся к интеграции в собственных границах различных, в том числе этнонациональных общностей, доминируют принципы общежития, учитывающие интересы всех вместе, а не каждого в отдельности, т. е. универсальные принципы.

Таким образом, национальный вопрос возникает везде, где изменяется в ту или иную сторону положение этнической группы. При политических трансформациях это может быть объединение с иными этносами в рамках государственного образования. При экономических изменениях это может быть ухудшение или улучшение качества жизни. При социальных колебаниях — изменение политического статуса этногруппы и ее соотношения с аналогичными позициями иных общин. Наконец, таким катализатором этноконфликтных ситуаций может выступить и культура — в части, касающейся содержания образования, роли языка и отношения к традициям.

Однако если обратиться к длительной истории Российского государства, никогда национальный вопрос не звучал как «русский вопрос». Сегодня же та совокупность проблем, которая связана с развитием русского этноса, действительно выступает в качестве такового. И если раньше особых чувств по поводу национально-этнической принадлежности русские не испытывали, а в России люди всегда «жили и умирали как русские

подданные, поддерживая державу без всякой рефлексии по этому поводу» (Савицкая, 2002: 174), то сейчас подобная рефлексия становится гораздо более актуальной, чем это было и в досоветской, и в советской России.

Это обусловлено достаточно многочисленными, как правило взаимоувязанными, обстоятельствами, среди которых есть и объективные, и субъективные. Среди объективных причин, определивших актуальность этой проблемы, прежде всего то, что именно Центральная Россия в наибольшей степени испытала последствия социально-экономического кризиса 1990-х годов, который проявился в усилении нестабильности, криминализации общественных отношений, маргинализации большей части населения, его стратификации, утрате общности культурной ориентации, понижении «психического уровня народа», активизации различных форм отчуждения, формировании духовных элит, сознательно противопоставляющих себя массам, дискредитации традиционной системы ценностей.

Именно в европейской части России падает уровень жизни, растет смертность, превышающая рождаемость: в 1989 г. — в 19 регионах, в 1991 г. — в 27, в 1992 г. — в 46. К 2000 г. эти тенденции приобрели повсеместный характер (Мнацаканян, 2004: 59-63). Заработная плата в европейской части России — ниже, чем во многих российских регионах, особенно тех, которые обладают существенными запасами полезных ископаемых и являются регионами-донорами. К примеру, в Ханты-Мансийском автономном округе, где добывается 56% нефти РФ и который является одним из богатейших регионов России, на 2003 г. средняя заработная плата составляла 14 500 руб., что было значительно выше средней зарплаты по России. Очевидно, что материальное положение региона обусловлено в значительной мере тем потенциалом — полезными ископаемыми, качеством земельных угодий, климатическими условиями, географическим положением, — которым он располагает. Европейская часть

России по многим из названных параметров сильно уступает иным ее районам, в частности, по качеству жилищных условий. Так, согласно переписи населения вторая квартира есть у 3,5% россиян, в Москве таких — 5,3%, на Северном Кавказе — 6,2% (Тишков, 2005: 15). Все это вынуждает русских, которые жили в республиках поколениями, своим трудом и любовью к этой земле способствовали ее процветанию, возвращаться в Россию. За последние годы в Россию вернулось более 3 млн человек: Таджикистан и Азербайджан покинула треть русских, Грузию — четверть, и можно прогнозировать возрастание этих потоков ввиду той политики, которую проводит нынешнее руководство страны, увеличиваются потоки мигрантов из Казахстана и других регионов Средней Азии (Мнацаканян, 2004: 59–63).

Парадоксально, но положение русских мигрантов и в Центральной России остается бедственным, что связано с их ограниченными материальными ресурсами, часто — неопределенностью статуса, сложностью получения жилья и трудоустройства. При этом наплыв в Россию трудовых мигрантов, легальных и нелегальных, из стран — бывших союзных республик, которые образуют в России свои общины, резко уменьшает возможность адаптации мигрантов-русских, белорусов, украинцев. Это связано не только с естественной конкуренцией на рынке труда, но и в большой степени с исторически сложившимися формами консолидации этих народов, у которых отсутствует склонность к образованию земляческих и этнических сообществ (Садохин, 2005: 195–196; Этнические..., 1985; Сикевич, 1999; Кочетков, 1998).

В индивидуальном общении представители этих этносов фактор этнической принадлежности не воспринимают в качестве решающего, ориентируясь в основном на личные качества. Для других же народов родственные связи и единство с общиной до сих пор остаются естественным чувством. Это приводит к повышенной взаимовыручке, где община гарантирует человеку помощь, а каждый из ее чле-

нов выполняет определенные функции внутри общины, осознавая свою связь со всеми ее членами и чувствуя обязанность к взаимовыручке. Это чувство общности придает представителям этих этносов ту уверенность, которой оказываются лишены те народы, для которых общинная форма социального устройства — исторически не актуальна, что в значительной мере сказывается на их конкурентоспособности.

РОССИЯ СЕГОДНЯ: «РЕСЕНТИМЕНТ» ИЛИ «ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ»?

Многие авторы констатируют, что ощущение затаенной обиды, которое Ф. Ницше назвал «ресентиментом», присуще многим россиянам, вне зависимости от их этнической принадлежности. Однако оно, по нашему глубокому убеждению, является не родовым качеством, лежащим в основе этнического характера, но выступает следствием тех негативных изменений, которые затронули все народы России. Стремительное разрушение в Центральной России с 1991 г. индустриальной промышленности и сельского хозяйства привело к тому, что многие люди были вынуждены и сейчас продолжают жить подсобным, по существу, натуральным хозяйством. Девальвация многих, прежде почетных, профессий — учителя, инженера, шофера, комбайнера и многих других, отсутствие социальной значимости этих видов труда и мизерные зарплаты приводят к всеобщему разочарованию, ощущению обманутости и покинутости со стороны государства, дезориентированности и потерянности.

Русским трудно осознать, в чем состоит их вина перед другими народами, если во всех бедствиях страны — и в Гражданской, и во Второй мировой войне, и в сталинских репрессиях — они страдали в первую очередь. Не совсем понятно, в чем конкретно выражаются «имперские амбиции», если их выражение находится преимущественно в компетенции государства, так как отдельный индивид или этнос не может выступать субъектом права там, где речь идет о государственной политике! Об имперском

самосознании России пишут и В. Д. Соловей (Соловей, 2000), и А. Гудков, и М. О. Мнацаканян. В качестве аргумента того, что русским присущ имперский комплекс, автор выдвигает следующий факт: у русских в советской России доминировало не этническое сознание (как это было у граждан союзных республик), а общенациональное, где в качестве родины ощущалась не «малая Родина», а союзное государство. Автор убежден в том, что в новой России «имперская идеология» русских уступит место «этнической русской идентичности» (Мнацаканян, 2004: 313).

Иными словами, автор считает, что идентификация с национальным государством, а не с этносом и восприятие гражданства, а не этногенетического родства в качестве основы для подобной идентификации является основанием для констатации у русских «имперского сознания». Однако общепризнанным является факт, что общность, основанная на единстве законов, на гражданстве и на приверженности государству, выступает не как империя, а как НАЦИЯ (Ильинский, 2009). Если брать за основу высказывания М. О. Мнацаканяна, окажется, что среди всех народов, населявших Советский Союз и Российскую Федерацию, ближе всего к пониманию идеи национального государства и гражданского общества находятся русские с их приверженностью государственности и гражданству. Тогда то, что обозначается «имперским мышлением», на самом деле будет означать «государственное мышление».

«Крайне поверхностным» называет В. А. Тишков замечание о том, что Россия обладает имперскими структурами. Исследователь убежден в том, что «Россия есть состоявшееся национальное государство, как и все другие принятые в ООН государства мира», где «ненациональными» государства быть не могут, а «многонациональные» государства представляют, по существу, те же многоэтнические национальные государства, из которых и состоит современный мир. В России, продолжает автор, «есть доминирующая этническая группа — это русские (как ханьцы

в Китае или кастильцы в Испании), в России есть доминирующая конфессия — это русское православие (как англиканская церковь в Англии при миллионах проживающих там мусульман)» (Тишков, 2003: 5). Уязвимость имперской парадигмы России В. А. Тишков видит в том, что она фундирована политическими причинами: «...если завтра от Китая отпадет многоэтничный и почти мусульманский Синьзян, — говорит автор, — а южные меньшинства также начнут борьбу за «национальные государства», то окажется, что современный Китай — это тоже «классическая империя», а не «национальное государство». Те же принципы окажутся подходящими и для Испании, Индии, Вьетнама, Индонезии, Малайзии, Пакистана, Турции и десятков других крупных стран, включая все африканские. И вообще, считает исследователь, искомой оптимальности никогда не было, и нет ее и сегодня, иначе Германия «не затевала бы в XX веке две войны, а сегодняшняя Германия не будет отказываться от Калининградской области, если отечественные «оптимизаторы» будут ей предлагать помочь России обрести таким образом свою «устойчивость» (Тишков, 2003: 5).

Есть еще один аргумент, к которому прибегает М. О. Мнацаканян. Автор говорит о том, что традиционные имперские представления, согласно которым «Россия — там, где живут русские», «придают ущербность растущему национальному самосознанию». Последнее «еще не готово осознать новую парадоксальную для себя реальность: российская государственность, будучи национальной, русской, становится государственно-политической формой многонационального общества» (Мнацаканян, 2004: 314). Автор утверждает, что средства массовой коммуникации внушают массовому сознанию следующее сомнение: «...не является ли положение татар, башкир, осетин, бурят и т. д. в системе Российской Федерации вызовом русскому этносу, ущемлению его прав как образующего государства этноса, носителя государственных начал» (Мнацаканян, 2004: 314).

Испытывая глубокое уважение к автору и признавая его научный авторитет и политическую прозорливость, тем не менее заметим, что данное высказывание выглядит достаточно провокативно. Автор говорит о существенном различии между народами в Европе, которые живут в рамках диаспор, но имеют вне Европы свои национальные государства, и народами России, которые проживают на своих этнических территориях. Провокативность этого высказывания состоит в том, что никто — в первую очередь русские — не оспаривает права народов на самоопределение. Эти народы имеют свои национально-государственные образования в формах субъектов Федерации, которые обладают равноправием. Этот принцип предусматривается самой формой государственного устройства России как демократического федеративного государства с республиканской формой правления (Конституция: ст. 1) и фиксируется в Конституции РФ, где указано, что «республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство» (Конституция: ст. 5).

С позицией М. О. Мнацаканяна соотносится точка зрения А. Гудкова, констатирующего парадоксальное сочетание у русских «имперского сознания», «амбициозности» и «комплекса жертвы». Автор строит свою концепцию негативной идентичности на основании полученных ВЦИОМом объективных данных, согласно которым уровню миролюбия русских соответствует только уровень миролюбия узбеков. Непонятно, каким образом это статистически фиксированное миролюбие сочетается с «амбициозностью». Если автор имеет в виду позитивные воспоминания о Советском Союзе, то они присущи всем тем, чье имущественное или статусное положение ухудшилось после 1991 г., причем это характерно для представителей всех национальностей. Что касается материального положения республик в 1970–1980-е годы, то практически ни в одной из них не было такого дефицита товаров первой необхо-

димости, в том числе продуктов питания, как в центральной части России. Конечно, на особом положении была Москва. Но Москва всегда была полиэтнична, и, кроме того, Москва — не вся Россия.

Точка зрения о некоем «имперском комплексе», как представляется, продуцируется исключительно средствами массовой информации, которая, возможно, и вызывает то чувство resentment — «затаенной обиды», которое констатируют исследователи. Ни в коем случае нельзя допускать высказываний, даже и в полемическом запале, подобных тому, что цитирует из уст своей собеседницы В. А. Тишков: «...все, что нахвалили русские, теперь надо отдавать!»¹. Эта позиция является достаточно распространенной. Однако если на уровне бытового сознания она может быть объяснена конкретными субъективными причинами (точно так же, как есть субъективные основания и для иных этнофобий), то в рамках науки или — тем более — политики такие высказывания недопустимы. Нет народов миролюбивых и воинственных, все хотят вырастить детей и обеспечить семьям достойную жизнь. Нет народов правых и виноватых, те политические и социальные трансформации, которые начались в 1991 г., осуществлялись не этносами русских, украинцев или казахов, а государством, получавшем легитимность от всех граждан вне зависимости от их этнической принадлежности. Очевидно, что и обострение конкуренции на рынке труда, и падение жизненного уровня, и стремительное социальное расслоение общества, и демографические проблемы в больших городах, порожденные в значительной степени миграцией, причем часто незаконной, и социальная нестабильность, и терроризм — все это является тем фоном, на котором стремительно разворачиваются явления этнонационализма, причем в равной степени, и русофобии, и иных этнофобий. Эта ситуация вполне предсказуемая, обусловленная массой предпосылок.

Естественно, отношение к явлениям этнонационализма не может быть позитивным.

С ними необходимо бороться. Однако здесь нельзя повторить тех ошибок, что были сделаны мультикультуралистами на Западе: нельзя дискриминацию преодолеть дискриминацией, нельзя притеснение одних заменить притеснением других. Эта точка зрения высказывается сегодня многими политиками, публицистами, журналистами, общественными деятелями, учеными (Тишков, 2000; Малахов, 2001: 167–171; Мнацаканян, 2004: 61–63). Однако в публичном пространстве доминирует противоположная ей. Постоянное обращение к теме национализма и расизма способствует воспроизведению самой этой темы и созданию напряженности вокруг различного рода национально-этнических проблем. Удивительно, но те аргументы, которые высказывали обе стороны, не находят своего осмысления и поэтому постоянно с незначительными вариациями воспроизводятся.

*ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И ПРАКТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА:
ЗА И ПРОТИВ*

К примеру, в 2000 г. в «Русском журнале» была опубликована статья В. Малахова «Ловушки антирасизма» (Малахов, 2000). Автор размышлял по поводу состоявшейся в Москве Конференции российских неправительственных организаций по проблемам национальной и расовой дискриминации, расизма, ксенофобии и нетерпимости. В статье приводились выдержки из текста резолюции конференции, сформулированные в духе той же риторики, которая доминирует сегодня в СМК. В пункте 56 обосновывалась необходимость «извлечь уроки из Российской истории, включая такой опыт, как имперское прошлое, жестокую колонизацию земель нерусских народов, политику и практику антисемитизма, в том числе еврейские погромы, и порочную советскую национальную политику, способствовать всестороннему осмыслению этих событий в контексте выявления корней расизма и расовой дискриминации в современном обществе и обеспечить широкое распространение этих знаний среди молодежи».

Нельзя не согласиться с мнением автора относительно того, что подобное «извлечение уроков» не может принести ничего, кроме формирования взаимной неприязни представителей разных этнических групп или формирования у них комплекса жертвы. К аргументам автора хотелось бы добавить следующее. То, за что ратовали участники конференции, уже зафиксировано в Конституции Российской Федерации. В главе 3, статье 68, указывается, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык, каждая же республика обладает правом устанавливать свои государственные языки в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития Российская Федерация гарантирует всем ее народам (Конституция, 1993: гл.3, ст. 68).

Наконец, еще одно принципиальное положение резолюции требует комментария. Конференция рекомендовала правительству «содействовать приему представителей меньшинств на преподавательскую работу и их продвижению на руководящие посты в сфере образования» (п. 59), а также «усилить представительство этнических меньшинств... среди сотрудников правовых учреждений и системы уголовного правосудия, включая милицию, прокуратуру и суды» (п. 40). Абсолютно прав автор, утверждая, что подобное квотирование означает замену языка гражданских прав языком этнических прав. Спрашивается, в чем же состоит идеал гражданского общества, к которому якобы приближают подобные поправки? Неужели в отказе от принципа равных прав в пользу особых прав, которые, по существу, означают, как говорит автор, движение от идеала гражданского равенства в сторону этнического привилегирования одних по отношению к другим?

Конечно, примеры преференциальной политики в мировой практике не так редки. На

предоставлении льгот и компенсационных мерах, необходимых для нейтрализации соревновательного превосходства более развитых групп, настаивают отсталые группы. Принятия различных преференциальных программ, льгот при поступлении в университеты, высоких квот при найме на работу добились в своих штатах лулуа, сингалы, малайцы, маратхи и телугу. Между тем элиты понимают, что преференциальная политика основана на отклонениях от нормы равенства, и рассматривают их как временную меру. Как пишет Д. Горовитц, группы, получающие льготы, постоянно испытывают давление со стороны своих лидеров, требующих оправдать привилегии определенными достижениями (Horowitz, 1985: 171–182). В России же, по мнению участников конференции, народы и народности (а судя по тексту Резолюции, это все народы, кроме русского) требуют столь снисходительного к себе отношения на том основании, по-видимому, что они не обладают возможностями и способностями пользоваться равноправием, предоставляемым им Конституцией.

Между тем это не так. В. А. Тишков приводит пример с вручением премии «Триумф» (7 января 1997 года) выдающимся представителям «русской интеллигенции», среди которых оказались грузин Габриадзе, русский/серб Войнович, еврей Кисин, русский Филатов, узбек/татарин Хамдамов (Тишков, 2003: 110). Это свидетельствует одновременно и о равенстве всех народностей в рамках России, и об их безусловно огромном потенциале — художественном, научном, любом другом, кстати, в полной мере реализуемом. Выдающимся энциклопедическим личностям современной эпохи посвящена книга «Поэты-ученые современной России» (Боксер, Пекелис, 2005). Среди них — психофизиолог О. Я. Боксер, нейробиолог Д. А. Сухарев, физик-теоретик В. Е. Захаров, физик-теоретик А. Н. Сисакян, радиофизик М. А. Пекелис, экономист С. Ф. Боев. Представляется, что нет необходимости доказывать, что среди названных ученых-поэтов представители самых разных этносов.

Однако та активность, с которой сегодня выстраивается дискурс национализма, а также та совокупность объективных причин, среди которых — резкое ухудшение экономического положения в стране, активная миграция, терроризм, военные конфликты, — приводят к тому, что сегодня распространяется такое чуждое русскому самосознанию явление, как этнонационализм. И если еще в 1990 г. на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что люди нерусских национальностей пользуются сейчас в России слишком большим влиянием?» ответили утвердительно 40% опрошенных, то в 1998 г. — уже 58% (Гудков, 2004: 161). Уровень и динамика ксенофобии в России 1989 г. была такова: признаки активного неприятия представителей иных этносов демонстрировали 6–12% опрошенных (в зависимости от региона). Одновременно можно было говорить о значительном потенциале сопротивления любым формам этнонациональной агрессии и насилия (отрицательное отношение к этнической неприязни выражали 53% респондентов). Однако уже в 1990 г. показатели этнического негативизма или национальных антипатий выросли до 35–40%, устойчивый рост этих настроений наблюдался до 2002 г. (Гудков, 2004: 179–184). Это при том, что только 4% респондентов вне зависимости от их национальной принадлежности воспринимают русских в качестве народа, разжигающего национальную рознь. Для сравнения: самый высокий показатель здесь касается чеченцев (57%) и азербайджанцев (24%) (Гудков, 2004: 186), самый низкий (2%) — китайцев, вьетнамцев, белорусов. Конечно, приводя эти данные, мы прекрасно осознаем, что они отражают не столько объективное содержание ситуации, сколько лишь представления людей, т. е. их стереотипы восприятия иных этносов. Но в любом случае, русских оценивает как миролюбивых людей преобладающее большинство респондентов.

Тем не менее новые условия конкуренции, которые носят экономический характер, но воспринимаются как этнонациональная проблема, приводят к конфликту установок

и представлений русских о себе самих. Так, присущий русским массовый героизм и способность к самопожертвованию, великодержавная гордость, стремление к доминированию сочетаются сегодня самым причудливым образом с социальной пассивностью, неуверенностью в завтрашнем дне, дезориентированностью и бытовой агрессивностью (Гудков, 2004: 199).

Этот социальный и национальный ресентимент стал одним из основных факторов созревания идеи утверждения себя как народа, способного защитить свои интересы и достоинство, способного отстоять целостность государства и восстановить свой авторитет на международной арене. Для этого прежде всего необходима вера в возрождение величия своего народа и своего государства, такая же вера, которая помогла подняться после сокрушительного поражения в 1945 г. Японии и Германии. Как пишет А. И. Уткин, эти страны «даже в годину национального поражения... сохранили непоколебимое самоуважение... своего рода “коллективное помешательство” в виде негибкой уверенности в воссоздании своего могущества, в конечном занятии почетного места в мировой семье народов» (Уткин, 2000:16).

* * *

В заключение представляется необходимым акцентировать внимание на тезисе о том, что ни один этнос в России не является объектом особой защиты со стороны государства. Напротив, основными принципами государственной национальной политики выступают: «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям» и «запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (Концепция, 1996: гл. 2). Права всех народов, проживающих на территории России, в том числе и коренных малочисленных народов, в соответствии с об-

щепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации гарантируются Конституцией Российской Федерации. В частности, несмотря на то что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык», Конституция предусматривает право за каждой республикой «устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации». При этом «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (Конституция, 1993: гл. 3, ст. 68). Таким образом, сохранение прав народов, принадлежащих к этническим общностям, выступает в качестве признания ценности данных культур и проявления уважения к ним (Проект, 2003).

Эти принципы национальных отношений в Российской Федерации отражает Концепция государственной национальной политики РФ. Здесь отмечается, что «преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности» (Концепция, 1996: гл. 1).

Если же вернуться к тому уровню обсуждения, который связан с практикой реального функционирования культуры, можно отметить, что процессы смешения этносов, обусловленные глобализационными тенденциями и внутригосударственными миграционными процессами, есть факт объективной реальности. Он, безусловно, рождает целую совокупность проблем, связанных с выстраиванием новых принципов этнонационального взаимодействия и формирования новых оснований этнической и гражданской идентичности. О том, что подобные процессы осуществляются повсеместно, свидетельст-

вуют работы ведущих обществоведов Запада — в первую очередь С. Хантингтона и Дж. Бьюкенена. Однако полиэтническое государство, несмотря на многочисленные проблемы, обозначенные выше, обладает и огромными преимуществами. Они состоят в тех возможностях, которые связаны с культурным многообразием, где культуры всех народов мира в целом и каждого национального государства в отдельности вносят свой специфический и неповторимый вклад в развитие культуры в целом. В условиях постиндустриального мира культурное многообразие становится определенной гарантией противовеса нарастающей тенденции к унификации и стандартизации, источником социального и экономического динамизма, способного обогатить человеческую жизнь в XXI в., а также способствующего творчеству и стимулирующего новаторский подход ко всем проблемам человечества. И сохранение этого многообразия является гарантией успешного развития России как великого государства, как огромной «семьи народов».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Замечание С. М. Червонной, которое приводит В. А. Тишков (Тишков, 2003: 146).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боксер, О. Я., Пекелис, М. А. (2005) Поэты-ученые современной России. М.
- Гудков, А. (2004) Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.
- Ильинский, И. М. (2009) О российской нации // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 5–16.
- Конституция Российской Федерации. (1993) М.
- Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. (1996) // Российская газета. 10 июля. Гл. II.
- Кочетков, В. В. (1998) Психология межкультурных различий. Саратов.
- Малахов, В. (2000) Ловушки антирасизма (Впечатления по поводу одной конференции) // Русский журнал. 5 декабря.
- Малахов, В. (2001) Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.
- Мнацаканян, М. О. (2001) Интегрализм и национальная общность. М.
- Мнацаканян, М. О. (2004) Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. М.
- Никитин, М. А. Изучение этнополитических процессов в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области [Электронный ресурс] // Этно-журнал. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/0803-04.html> (дата обращения: 16.05.2010).
- Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Основы законодательства Российской Федерации о культуре”». (2003) М.
- Савицкая, Т. Е. (2002) Этнический шок: поиск культурных оснований современного этнического экстремизма // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М.
- Садохин, А. П. (2005) Этнология. М.
- Сикевич, З. В. (1999) Социология и психология национальных отношений. СПб.
- Соловей, В. Д. (2000) Русские против империи // Свободная мысль — XXI. № 12.
- Тишков, В. А. (2005) Кризис понимания России. Март [Электронный ресурс] // Этнографическое обозрение Online. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2005/eoo2005_2b.htm (дата обращения: 15.01.2008).
- Тишков, В. А. (2003) Культурный смысл пространства (Доклад на пленарном заседании V конгресса этнологов и антропологов России, г. Омск, 9 июня) [Электронный ресурс] // Этно-журнал. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/0803-02.html> (дата обращения: 16.05.2010).
- Тишков, В. А. (2000) Политическая антропология. Льюистон ; Нью-Йорк.
- Уткин, А. И. (2000) Патриотизм — невидимая рука истории // Независимая газета. 12 апреля.
- Этнические стереотипы поведения. (1985) / под ред. А. К. Байбурина. М.
- Gurr, T. R. (1993) Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC : US Institute of Peace Press.
- Horowitz, D. (1985) Ethnic Groups in Conflict. Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press.